

Самару в Оренбурге помнят чаще,
Чем Оренбург в Самаре, ну так что ж?
И там, и тут я прослыла пропащей.
То и другое – истина и ложь.

Но этой самой истинною ложью
Спасается подлунный грешный мир,
Где дураки похлеще бездорожий,
Чумы похлеще хлебосольный пир.

Ни в Бога и ни в чёрта не поверю,
Когда уже который век и год
Чумных пиров полынное похмелье
И порохом, и кровью отдаёт.

Здесь прослыла я чумовой заразой,
Отнюдь не ради красного словца
Клеймя навзрыд рифмованною фразой
Подонка, графомана, подлеца.

Текут века, а мне и горя мало.
Степным простором допьяна упьюсь...
... Здесь, в междуречье Волги и Урала,
Моим стихом заговорила Русь.

Уральская печальная приبلуда,
Самарская лукавая змея...
Как жаль, что я давно не верю в чудо,
Ведь надо верить – чёрт возьми! – в себя!

Памяти митрополита Иоанна Снычева

Ваши пальцы пахнут зыбким ладаном.
Наши пальцы – крепким никотином...
С этим, право, что-то делать надо бы –
С этим неизбывным русским сплином.

С этим, право, что-то делать надо же,
А не делать вид, что так и надо...
Зябкий свет осеннего Приладожья
Не пророчит чаемого лада.

И почти на равных – до обидного! –
Наш вопрос не одарив ответом,
Прочь струится фимиам молитвенный
И дымок лукавый сигаретный.

...Мы не извращенцы и не нытики,
И не суицидники по пьяни,
Но боятся психоаналитики
Нас, великий Отче Иоанне!

Крепким никотином заарканены
В этой зябкой северной столице,
Чем мы так смертельно в душу ранены,
Что и смерть нас до смерти боится?..

Накануне ночью, жёстко жизнь итожа,
Я была жесточе, но зато моложе.
И, бордо с бургундским намешав по-русски,
Я пила азартно, то есть без закуски.

Своевольно губы закусив до боли,
Всех, кто были любы, вспомнила невольной...
Ах, любовь-чахотка! Ты неизлечима!
Не спасала водка, не спасут и вина.

Вовсе не пытаюсь врачевать печали,
Вновь бордо с бургундским кровно воевали.
Не щадя постылых, не жалея милых,
Ледяным коктейлем закипали в жилах.

Кто сказал, что вина уврачают вины?
Грянет день январский с брызгами рябины...
И любовь склонится тихо к изголовью,
В белую перчатку покашливая кровью.

Причешись, причепурись,
Улыбнись, примерь обновы!...
– Свет мой, зеркальце, заткнись!
Мне и без тебя хреново.

По спирали жизнь бежит...
По спирали, по спирали
Годы юный шёлк ланит,
Что остался в зазеркалье.

Эвон дочка подросла,
Красотой меня затмила...
Всё вы врите, зеркала!
Хоть я правды не просила!

Строчка встала на крыло
И далёко улетела...
Ах ты, мерзкое стекло!
Ну твоё какое дело?

Бон суар, моншерами?
Ни фига! Ещё не вечер!
Свет мой, зеркальце, храни
Память нашей первой встречи.

В зазеркальных тайниках
Пусть живёт девчушка эта,
Что не ведает пока,
Что сулит судьба поэта.

Даже неважно, с кем засыпать,
А просыпаться надо с любимым...
Палец о прялку уколешь опять –
Тысячелетья проносятся мимо.

Встречи-прощания материков.
Выдох и вдох мировых океанов.
Протуберанцы кровавых эпох
И содроганья душевных вулканов.

Что это, ежели не суета?..
На сквозняках безразличной вселенной
Гроб мой хрустальный парит, как мечта,
Самонадеянно самозабвенно.

Где ж королевич мой, мой Елисей?
Что ж он никак не вернётся из странствий?
Пусть поцелует меня поскорей:
«Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!»

Овладев античным гекзаметром,
Я вдыхаю сумрачный простор,
Где вовсю качается под ветром
Петербургский пьяный светофор.

С ним в обнимку грустный гастарбайтер
Провожает взглядом лимузин.
И столичным стритом лунным найтом
Рассекает хипстер, сукин сын.

Время хипануть и удивиться,
Стоило ли ехать далеко,
Чтобы в этой западной столице
Встретиться с ташкентским земляком?..

Помнится, в Ташкенте кентовали,
Обнимали пьяный светофор,
Также хипповали, шизовали,
Никого не видели в упор.

Словно неизбежная издержка
Всех житейских и душевных драм,
Еле уловимая усмешка
Прикипела намертво к губам.

Я бы и хотела улыбаться
Ранюю запёкшегося рта
Так, как будто мне опять семнадцать
И не смыслю в жизни ни черта.

Но глядит с ответною издёвкой,
На меня глядит со всех сторон –
Петербург – от Лиговки до Ржёвки –
Что похож на обморочный сон.

Презируя суетные контры,
Он летит гекзамером в зенит!..
Он меня, конечно, пересмотрит,
Только всё же не переглядит.

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи приبلудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились –
Их сорвать хотела – да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаюсь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

Пусть вы не торжество добра и света,
Как ни крути, вас не любить нельзя –
Сценичные циничные поэты.
Заклятые самарские друзья.

Ведь я была одной из вас когда-то.
Хотела б откреститься, да никак!
Разбойные запойные ребята,
Отечеством считавшие кабак.

Рассадин, Чепурных, Олег Портнягин...
Ах да, Сиротин! Как забыла я!
Немало вы попортили бумаги...
...И Семичев – особая статья.

Немало вы кровей моих попили
Вприхлёб с самарским пивом Жигули.
Немало, как княжну, меня топили,
Но утопить в итоге не смогли!

Не утонула, породнилась с Волгой...
Она во мне свою признала дочь.
И с той поры – увы и слава Богу! –
Ни помешать нельзя мне, ни помочь.

И разве я могла в вас не влюбиться,
Как ни крутили пальцем у виска,
Когда взлетали стрАнницы-стрАнИцы
И строфы-катастрофы в облака?

Когда, презрев досужие приметы
И больше не желая быть, как все,
И я взлетала с ними против ветра
По этой чёрной взлётной полосе?..

Эх, не ето, не пито, не курено,
Не целовано девок взасос!..
Знать, в деревню Большое Никулино
Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены –
Ни сказать, ни пером описать!
Николаевна свет Нидвораевна
За околицу вышла встречать.

Распростёртыми встрела проклятьями:
«Нет креста на вас, скройтесь с глаз!..»
И – привычное, право, занятие! –
Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
Ветер воли пьянит, как нектар.
Для кого же ворота отворены,
Стол накрыт, и кипит самовар?

Гость незваный получше татарина!..
Для кого же, незваного в дом,
Банька топлена, липа заварена,
И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
Ну нисколько не верится мне,
В то, что здесь не для нас красны девицы,
Словно маковый цвет, по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
Пусть у нас ни кола, ни двора...
Польхает закатное зарево –
Приюти дураков до утра!

Жигулёвская вольница стонет: «Вернись!...».
Новгородская вольница чаёт: «Приди!...»
Это смех, это грех, это жость, это жисть,
Это вольная воля в разверстой груди.

Заплутавшая в северном синем бору,
Целовавшая питерский гордый гранит,
Эта вольная воля звенит на ветру
И, шутя, обживает имперский зенит.

Что ей труб водосточных крикливая жость,
И слезливая жисть прошлогодних снегов?
Пьяный смех, свальный грех и бездарная месть
Тех, кто тцились стяжать себе званье врагов?

Что ж, попытка – не пытка, и где наша не
Пропадала, печалилась, пела, летала...
Я вернусь по весне... Я вернусь по весне –
Високосной весной – разве этого мало?

Редька-триха и редька-ломтиха,
Редька с мёдом и редька так...
Как бы ни было, братцы, лихо,
Никакой нам не страшен враг!

Не впервой нам врагов увечить.
Не единожды в том помог,
По усам утекая в вечность,
Не попавший в роток медок.

Редька с маслом и редька с квасом,
И с хреновиной редька – ах!
... Пьёт шампанское с ананасом
Респектабельный олигарх.
Пусть погасит свою улыбку,
Недоделанный супермен,

Ободравший страну, как липку,
А на нас положивший хрен.

Гадом буду – не позабуду
Голливудский его оскал...
Но у нас тут не голливуды!..
Рот захлопни – я всё сказал!

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
Заметила: «Тебя, наверно, ждут!..»
И разом улетели все вопросы,
Как дым, в невозмутимый абсолют.

Прихваченные отчуждённой стужей,
Они теперь летят за облака –
Вопросы, что испепелили душу,
Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чём-то несерьёзном,
Ведь надо же о чём-то говорить.
И ты вдруг понимаешь – слишком поздно
Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты любимым?..
Ты вовремя его не произнёс
Сегодня улетевший вместе с дымом
Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
Ты победил... Гляди издалека,
Как, абсолютно безучастны к миру,
Дымятся над землёю облака.

Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну-ка, ногу в стремя, в руки – удила.
Отродясь насильно милой не была.

Покури в сторонке, разлюбезный враг!
Бьёт копытом звонким звёздный аргамак.
И течёт дорога аж до самых звёзд
Вдоль реки Молога через млечный мост.